

НАПРЯМИК

– Да, Валя, да... Не плачь, – кивала мама, отстраняя журчащую голосом трубку от уха. – Да поняла я всё... Поговорю... пришлю... – смотрела, сморщившись, на ковер на стене.

Положила трубку на рычажки старого розового телефона, перевела взгляд на Настю.

– Валентина звонила. Таблетки просила привезти. У неё кончились, а сама не может, плохо ей совсем... Отвезёшь?

Настя только вчера приехала домой после зимней сессии.

Радость от удачно сданных зачётов и экзаменов, родная комната, в которой не была почти пять месяцев, добрый и неспешный разговор с мамой после ужина, глубокий, здоровый сон наполнили Настю свежей силой и энергией, и она без былого канючинья согласилась.

Под настроение дорога до тётки Вали показала ей быстрой и лёгкой, сама тётя Валя, давно болеющая, озлобленная этой болезнью, – милой и ласковой, как когда-то, когда Настя была маленькой девочкой...

– Я тогда соберу, а ты одевайся, – сказала мама. – У неё и переночуешь. Ладно? А утром – обратно. Ночью не надо, злых полно... Ладно?

– Да, мам, конечно.

Мама принялась хлопотать, Настя засмотрелась на неё... Старенькой стала. Не лицом,

не фигурой, а движениями... Хотелось сказать: «Не торопись, мама, не волнуйся». Промолчала. Что ж...

Оделась потеплее под мамины советы – «кофту не забудь, колготки шерстяные», – взяла тяжёленький пакет.

– Там лекарства и еды кой-какой... Валентине-то и до магазина сходить... Ох... Ну, с богом, доченька.

– Пока, мам, – Настя приобняла её, поцеловала в мягкую щёку, – до завтра.

Открыла дверь, но мама удержала, засыпала скороговоркой вопросов:

– Сотовый не забыла?.. Деньги есть на нём?.. А у тебя?.. Дорогу помнишь до остановки?

И Настя почти механически отвечала:

– Да, мам, есть... помню... всё в порядке.

– И осторожней, пожалуйста. Не разговаривай с кем попало. Всякие лезут...

– Хорошо, конечно...

Сбежала по лестнице, вышла на улицу. Облегчённо выдохнула. Мамина забота, такая дошная и навязчивая, не раздражала уже, как раньше, но утомляла. Да и смешила чуть-чуть. Ведь как-то же полтора года по пять месяцев она живет без пригляда мамы, нормально питается, одевается, но стоит ей вернуться, и мама следит за каждым шагом, даёт и даёт советы. А скажешь ей об этом хоть и с улыбкой – обидится...

85

Ничего, пусть: в этом, наверное, и смысл жизни матерей – заботиться...

Их город совсем небольшой, но своего рода столица нескольких районов. Здесь и все важные учреждения, и межрайонная больница, театр, музей... Есть и автовокзал, откуда пазики уходят развозить и собирать пассажиров по ближним и дальним посёлкам, селам, деревушкам. Правда, пазики ездят редко – в основном по утрам и вечерам. Днём их заменяют «газели»-маршрутки. И Настя направилась к той остановке, куда причаливали «газели», что заворачивают в то сельцо, где живёт тётя Валя.

Тётя Валя, мамина сестра, была последней обитательницей громадного родового дома. Одни из этого рода разъехались, другие умерли, а тётя Валя вот остаётся. Ясно, что ей там одиноко – соседи не родня – тоже хочется в город, но дом в медленно гибнущем сельце стоит копейки, здесь и на развалюху на окраине не хватит, не говоря уж о квартире.

Как одинокая пенсионерка и инвалид тётя Валя подала документы на социальное жильё в городе – однокомнатную квартирку, которую нельзя ни продать, ни завещать и в которую после умершего пенсионера-инвалида вселится следующий, – но очередь была длинной, и в то, что ей удастся дожить до новоселья, тётя Валя не верила.

Настя догадывалась: сёстры тайком мечтали, что она выйдет замуж в том городе, где учится, поселится у мужа, конечно, хорошего, интеллигентного, обеспеченного, а тётя Валя переедет к Настинной маме. И они будут вместе. Пить чай, смотреть телевизор, беседовать, ждать, когда их навестит дочка и племянница.

Личная жизнь у обеих, что называется, не сложилась. Были мужчины, но они не стали мужьями. У мамы хоть появилась она, Настя, а тётя Валя совсем одна.

Прямо скажем, красавицами они не были. На старых фотографиях Настя видела коренастых, с какими-то испуганными глазами, жидковолосых, тонкогубых девушек. Одежда мешковатая, плечи опущенные... О таких всегда говорят: дурнушки.

Настя и у себя отмечала черты таких дурнушек и старалась поддерживать фигуру, осанку, быть обаятельной. Знала, что красоту можно восполнить симпатичностью, стильностью. Главное, не переборщить, – в общаге легко если и не

стать, то прослыть шалавой. Навесят этот ярлык, и шагай с ним дальше по жизни.

Девушке нужно быть всегда настороже, опасаясь не только окружающих, но и себя саму. Многих, очень многих заносит, а потом уже ничего не исправишь. Или уезжай в другое место, где тебя никто не знает, или принимай предложение какого-нибудь удода, который, как говорится, ни туда-то, ни в Красную армию...

Так, вот и остановка. Под навесом из пластикового стекла и рядом с ним стояли-топтались – скамейка сломана – человек пятнадцать. Мужчины, женщины. Настя сразу без усилий определила, кто местный, а кто из деревень. Даже не скажешь, чем именно различаются: одежда вроде одинаковая, сумки тоже, да и лица похожи. Но всё же видно: вот эта из деревни приехала на два часа, а эта горожанка в первом или втором поколении.

Подошла «газель», но не та, что была нужна Насте, – эта петляла здесь, по улицам. И те, в ком угадывались жители города, забрались в неё. «Не обмануло чутьё», – похвалила себя Настя... Маршрутка тронулась, оставшиеся провожали её завистливыми и злыми глазами.

Было холодновато. Дым из выхлопных труб закручивался спиралью, пах черёмухой...

– Уже полчаса ждём, это ж надо! – вскрикнула высокая, большая женщина с большой клетчатой сумкой у ног. – Не могут расписание вывесить!

– Да какое тут расписание, – пританцовывая на утоптанном до каменной плотности снегу, отозвался дядечка в шубе из искусственного меха. – Это ж пираты.

Другой, помоложе, в тонкой куртке, буркнул:

– Какие, мля, пираты ещё?

Видимо, уловив в его голосе угрюмую угрозу, тот, в шубе, стал объяснять:

– Незаконно они возят. Проедут по остановкам, наберут, кто есть, – и погнали. Ни билетов, ничего... Могут вообще сюда не завернуть... Автовокзальские сколько раз, слышал, сулились поймать да поучить.

– Они поучат, – хмыкнула женщина в ярко-красном шерстяном берете. – Все они повязаны там... Вот второй месяц в аптеку мотаюсь и добиться не могу, будет моё лекарство или сняли его окончательно.

– А что за лекарство-то? – спросила большая женщина.

В красном берете сказала что-то тарабарское – Настя не разобрала, а большая испуганно-приглушённо, как по секрету, сообщила:

– Это ж гормональное!

– И что? – наоборот громко усмехнулась в красном берете. – Я уж своё отрожала. Трое олухов на шее. Жрут и спят.

«Бедная, – глядя на её сухое сероватое лицо, подумала Настя. – И всё на лекарствах».

– А позвонить не легче? – спросил молодой симпатичный парень в чёрной шапочке.

– Куда позвонить?

– В аптеку. Узнать, есть в продаже, нет...

Женщина в красном берете отмахнулась:

– А, что толку...

На долгую минуту остановка замерла и замолчала. Как-то окаменело замерла и замолчала. Люди не двигались; Настя готова была испугаться и поводить перед лицом ближайшего рукой: эй, ты где... Но тут парень шевельнулся, кивнул:

– Ну да, толку мало.

– Да не мало, а нету. Нету! – в голосе женщины в берете послышались слёзы. – Последние нервы лопнут гудки их слушать.

– Ну да, ну да...

Настя наблюдала за людьми, ловила интонацию их голосов, их взгляды, и ей все сильнее становилось их жалко.

«Наверное, это после месяцев в большом городе, лекций, общения с умными и образованными людьми, – пыталась понять она. – Великие события истории, великие личности, кровавые бунты, гиль, реформы... И вот этот десяток человек на этой остановке, одной из тысяч подобных остановок по стране, где так же толкуются по десять, двадцать подобных, – они словно вне истории, вне времени. Кажется, могут так стоять и вяло жаловаться друг другу бесконечно. И морозец – не очень большая помеха. Привыкли...»

Но в дали улицы показалась пассажирская «газель», и люди мгновенно подобрались, стали скапливаться, прессоваться на том пятачке, возле которого обычно останавливались автобусы.

Даже слегка стали подпихивать друг друга локтями и бедрами.

И в Насте проснулось вроде бы надёжно забытое, вымывшееся полутора годами учёбы, и она тоже принялась пробираться ближе к бордюру, мягко, но решительно оставляя за спиной других. Очень не хотелось минут сорок стоять,

скорчившись в проходе «газели», или вовсе не влезть...

Это была не та «газель». Городской маршрут. И Настя почувствовала что-то вроде злобы к городским; к тем, кто через несколько минут выскочит из этой «газели» возле своего дома и окажется в тепле и уюте... Эта пугающая её, но непреодолимая злоба не успела разрастись – подошла нужная маршрутка, с вывеской на лобовом стекле: «Большие Кныши». Значит, едет до этого села, по пути останавливаясь в десятке других: Ине, Шошине, Ойхе, Шалоболине... Заворачивает и в нужную Насте Новопокровку.

Настя забралась в «газель» одной из первых, и ей повезло – заняла сиденье. Одноинное, над бугром колеса. Ногам неудобно, поэтому, видно, туда и не садились до последнего... Ничего... Кое-как устроилась, положила на ноги пакет. Рядом буквой «г» встал и сердито засопел дядечка в искусственной шубе.

«Газель» тронулась, проехала метров десять и остановилась.

– Деньги передаём, – сказал водитель.

Пассажиры зашуршали.

– Передайте...

– Куда едете?

– До Шошина.

– А я до Ини.

– До Шошина ещё вот возьмите.

– До конечной...

Настя достала кошелёк. Спросила:

– А до Новопокровки сколько стоит билет?

И тут же – расстроенный и удивлённый вздох:

– Что, ещё и в Новопокровку завёртывать будем?

– С полчаса терять, – откликнулся кто-то ворчанием. – Там ещё и дорога такая – трясун.

– Да уж вечно что-нибудь...

Ещё не поняв, что значат и чем грозят ей эти вздохи и ворчание, Настя повторила:

– Сколько до Новопокровки?..

– Да нисколько! – выкрикнула большая женщина с крепкой, ударившей Настю, как камень, ненавистью. – Не заворачивает он туда.

Большую с готовностью поддержали:

– Напрямик он идёт, без Покровки этой...

– Как это не идёт?! – возмутилась Настя, тебя кошелёк. – Всегда заходил...

– Ещё есть кто до Новопокровки? – громко спросила большая; никто не ответил, и она тор-

жествующе объявила: – Вот, нету никого. И ему ради одного крюк такой делать?

– Действительно, – хмыкнул стоявший над Настей дядечка в шубе. – Вылазь давай, на автовокзальском доедешь.

– Не задерживай! – сзади её ткнули в спину.

– Во... – Настя задыхалась от обиды и растерянности. – Водитель... вы заезжаете в Новопокровку?

Водитель не ответил. То ли не слышал за общим шумом, то ли не хотел услышать.

– Ну выходишь ты, нет? – досадливо простонала женщина в красном берете, и её стон особенно поразил Настю. От этой женщины, которую успела пожалеть на остановке, не ожидала...

– Сволочи! – вырвалось.

– Ишь ты! Она ещё и оскорбляет тут будет!

– Ну-ка вылазь, хамка такая, а то как кошку лишайну вышвырнем!

– Вставай, чего... – дядечка в шубе больно потянул Настю за плечо. – Сколько можно...

– Не трогайте меня!

– Да кому ты сдалась, – хохотнула большая женщина, – трогать тебя ещё.

– Королевна, мля...

– Да пошли вы, уроды, блин!

Захлёбываясь слезами, текущими почему-то не из глаз, а по горлу, Настя стала выбираться. Зацепилась правой ногой за колёсный бугор, чуть не упала в проход.

Неуклюже, наклонившись вперёд, двигалась, переступая через сумки, к двери, которую ей открыли, и сквозь обиду и оглушённость произошедшим удивлялась наступившей тишине. Показалось, что на неё смотрят даже с сочувствием. Сейчас скажут: «Да ты чего, мы ж пошутили!»

Нет, не сказали... Она спрыгнула на снег на газоне; дверь с шумом задвинулась и щёлкнула, маршрутка сорвалась с места.

– Уроды... Сволочи...

Высоко поднимая ноги, Настя вышла на тротуар, достала из кармана сотовый, посмотрела время. На тот автобус, что отходил от автовокзала, она успевала.

ОБИДА

– Игорёнь, ты, чё ли?! – рубануло сзади Игоря Кочкарёва.

Он обернулся, увидел невысокого сухолицего мужичка. Лоб и нос словно покрыты тёмным

лаком, а подносье, скулы – тусклые и бледные до синевы. Морщинистый пиджак, старомодная шляпа с дырочками... Мужичок улыбался, обнажив закопченные мелкие зубы, и по этим зубам Игорь узнал Коляна – Николая Вахрушина.

За долгую секунду перед глазами проплыл их крошечный уютный кордон в ущелье Узунчула, пасущиеся под водопадом лошади, карабины, прислонённые к поленнице, дымящаяся в котле уха из ленков...

– Колян, – проглотив взбухший в горле сладковатый комок, Игорь кинулся обнимать мужичка. При всех, на людной улице, не заботясь, что о них подумают. – Куда бороду дел?

– Да куда... Неловко с ей в Москве.

Кого-кого, а Коляна представить в большом городе он не мог. Тот и в крошечную Абазу выезжал нехотя, по самым неотложным делам.

– Да вот, – усмехнулся Колян, будто радуясь, что обхитрил Игоря, – дочку контролировал. В институт поступала.

– М-м! В лесной?

– Зачем в лесной – в социальный. Знаешь такую профессию – конфликтолог? Вот, конфликтологом будет. Перспективная, говорят, профессия.

– Молодцы-молодцы... – Игорь глянул туда-сюда, соображая, где можно поговорить с Коляном спокойно; не посреди же тротуара. – Слушай, тут хинкальная есть. Давай зайдём... Ты надолго вообще?

Колька снова показал в улыбке прокопченные зубы:

– Был надолго, но завтра уезжаю. Дочка поступила, пристроил её у хороших людей – комнату снял. Учёба бюджетная... Ритка у меня головастой оказалась, даже не ожидал. Вроде в тайге всё, а тут – только в Москве, говорит, буду учиться. И по этому ЕГЭ кучу баллов набрала. Откуда только понабралась...

Колька, конечно, лукавил. Дикарями они там никогда не жили. На крыше – телевизионная тарелка размером с локатор, в избе все стены спрятаны за стеллажами с книгами.

Да и не одна Колькина семья была там такой. В непролазной, казалось бы, глухомани, в медвежьем углу, неподалёку от тех мест, где сорок лет пряталась от мира семья староверов Лыковых, жили почти сплошь люди с высшим образованием, читали литературные журналы, ловили радиостанции Европы и Америки, дискутировали о любых вопросах бытия.

Съезжались в горы, в тайгу разочаровавшись геологи, физики-ядерщики, архитекторы, уставшие инженеры, менеджеры, бросившие компьютеры программисты. Одни устраивались охотниками, лесниками, другие заводили своё хозяйство, потихоньку, бережно браконьерничали...

В девяносто восьмом году туда, в глубь Саян, приехал и Игорь Кочкарёв, москвич, выпускник Литературного института, молодой писатель. Понял, что в Москве ничего настоящего не создаст, и решил рвануть куда подальше.

Понравилось слово «Абаза», замеченное на карте России; рядом был Енисей, великая сибирская река, внизу – Монголия, которой тогда, после книг Пелевина и Юзефовича, бредила вся столичная интеллигенция.

Почти пять лет, с короткими наездами домой, к маме, Игорь прожил там. Там и сделался настоящим писателем, запасася материалом на многие годы вперёд, а главное – стал видеть мир шире, жить глубже. Нашёл свой стиль, героев своих повестей и рассказов... Нет, даже не столько героев, сколько типажи – пища совсем не о Сибири, не о таёжниках, всё равно проступала и Сибирь, и эти люди, сторонящиеся мегаполисной суеты, знающие другую правду, кроме правды зарабатывать денег, менять автомобили, обновлять по моде гардероб, покупать дорогие безделушки, пить кофе за тысячу рублей чашечка в пафосном ресторане...

Проникшись, пропитавшись этой другой, настоящей, правдой, Игорь вернулся в родную Москву, женился на скромной, без идиотских запросов девушке с Пресни; родили дочь, жили в двухкомнатной квартире с мамой Игоря. Жили дружно, размеренно, как-то со смыслом.

Игорь, насколько это возможно нынче в серьёзной литературе, прославился своими таёжными текстами; вещи на городскую тему укрепили его статус настоящего писателя. Не так давно вышел сборник рассказов на французском языке, и Игорь два раза подряд побывал в Европе – в Париже и Женеве.

С деньгами бывало туго, но не так беспросветно, как в студенческие годы – теперь Игорю, известному прозаику, часто предлагали написать то статью о том о сём, то колонку в какой-либо интернет-портал, то подкидывали халтурку – отрецензировать рукописи, принять участие в писательском десанте в провинцию, провести мастер-класс, естественно, не бесплатно...

– Пойдём посидим, – Игорь потянул Коляна за рукав, – вон хинкальная в двух шагах.

– Ну пойдём, – улыбался Колян смущённо и довольно.

Спустились в хинкальную. Сели. Официантка тут же раскрыла перед ними папочки с меню.

– Давай без церемоний, ладно? – предложил Игорь. – По порции хинкали и бутылку водки.

– А я не пью, – сказал Колян.

– Совсем?

– Совсем, Игорёк, совсем...

– М-да, – Игорь растерянно мялся. – А есть-то будем?

– Ну давай перекусим. Бери эти хинкали – хватит. Попробую хоть, чем от поз отличаются.

Игорь заказал хинкали и кувшин морса.

– Я тоже вообще-то не выпиваю почти, – сказал, когда официантка отошла, – ради встречи хотел... А ты что бросил так круто?

– Да так... Полтинник на носу – чего пить, время тратить? Да и... Помнишь Витальку Сысоева?

– Ещё б! Он же меня учил в седле держать-ся.

– Ага-ага... А Толика Малыгина?

– Колян, я всех помню. Все вы у меня накрепко в сердце.

Сказав эти неожиданные для самого себя высокопарные слова, Игорь кашлянул; Колян покривил рот в улыбке. Какой-то нехорошей улыбке.

– Ну так вот, – произнёс медленно. – В посёлке это было, позапрошлой зимой. В декабре. Такие морозы давили – даже соболятники раньше времени из тайги вышли – невозможно просто... Ну и собрались все в посёлке. И чего делать? Пили. Когда кучей, когда по двое-трое. Ну и Виталька с Толиком как-то вдвоём у Витальки засели. И чего-то у них там стряслось – Толик пошёл, калиткой хлопнул, а Виталька – шарах ему вслед из ружья. Ну и... – лицо Коляна собралось в сморщенный комок. – И отшиб ему челюсть. Верхние зубы торчат, а под ими – пусто. И язык тоже... Мы услышали выстрел, повыбежали. Медведь опять, думали, а тут Толик по улице мечется, кровь хлещет, из глотки хрип такой... жуткий. Фельдшерша с тётками стали ему кровь останавливать, а мы ищем, откуда стрельнули. И тут второй выстрел. Из Виталькиной ограды. Вбегаем туда, пригибаемся так, боимся, что по нам тоже... Нашли его в стайке, короче. Сидит,

на коленях ружьё, а башки нет... Ф-фу-ф... И у обоих полные избы ребятишек остались.

Колян замолчал, водил по скатерти толстым коричневым ногтем. Игорь не знал, как отозваться. Выдохнул сочувствующе:

– М-да...

В последние годы, живя в Москве, он стал идеализировать народ, жизнь в далёкой провинции. Его даже причислили к почвенному лагерю писателей; Игорь не протестовал. Полюбил свою такую народную фамилию – Кочкарёв. А сейчас, после Колькиного рассказа, вспомнилось, сколько раз он становился свидетелем диких и безобразных сцен, сколько раз ему грозила смерть или увечье от тех, кого он считал товарищами, а то и друзьями. Ещё минуту назад улыбался, а теперь уже скалится и готов порвать на куски.

Как всё-таки верны эти жестокие слова Виктора Астафьева: русский тебя чаем напоит, пригреет, но он же тебя и прирежет, если будешь ложечки тырить... И сколько за эти разнообразные ложечки людей ложится в могилы. А чаще всего кажется людям, что ложечки тырят. И режут...

– Ну и по-трезвому можно так же нелепо погибнуть, – сказал Игорь.

– Ясное дело. Но по-пьяни больше шансов. И не дай бог другого угробить... Нет, лучше не пить.

Принесли морс.

– Что ж, давай хоть этим чокнемся. – Игорь разлил морс по стаканам.

– Дава-ай... К нам-то не собираешься?

– Собираюсь. Уж сколько лет собираюсь. Но как – семья, дочка маленькая... Хотя в один прекрасный день не выдержу.

Колян снова покачал головой. Произнёс как-то через силу:

– Ты, Игорень, это... ты лучше не приезжай.

Игорь вздрогнул, как от удара.

– Почему это?

– Лямова дядь Юру помнишь?

– Ну, – от Коляновой просьбы стала бухнуть в груди злоба, даже дышать стало трудно. – Помню. И что?

– Обижен он на тебя здорово. Обещал, эт самое, яйца вырвать.

– Х-хо! И чем же я его так разобидел?

– Внучку его помнишь, Ольку?

Игорь резко, со стуком, поставил бокал на стол.

– Я тебе сказал уже – я всех помню... И что?

– Ты в рассказе одном нехорошо про неё написал. Что, мол, она какого-то поведенья такого... Помнишь?

– Про неё писал, да. А про её поведение... – Игорь задумался. – Нет, не помню.

– Ну, что-то было, если так получилось. – По-крахтев мучительно, Колян продолжил выдавливать из себя слово за словом: – В общем, прочитали тогда тот твой рассказ и стали к Ольке подкатывать. Типа, она гуляющая. А она не выдержала и то с одним, то с другим... И так пошло... Ей уж лет двадцать пять теперь, и никто замуж не берёт. Дядь Юра тебя, в общем, винит.

– Хм! – Игорь усмехнулся и сам ощутил, что усмешка получилась, как тот страшный оскал у взбесившихся мужиков. – Странные вещи ты говоришь, Николай.

– Ну, извини. Передаю, что знаю. Дядь Юра сколько раз: «Встречу этого сочинителя хренова – яйца с корнями вырву». И серьёзно так... Он может.

– Он может, – машинально повторил Игорь, словно бы перелетая по какой-то пёстрой трубе на семь-восемь лет назад.

И вот увидел: маленький – дворов двадцать – посёлок Чехан; последний посёлок перед дикой тёмной тайгой, в которой лишь редкие займки, кордоны, зимовья, трухлявые брёвна брошенных скитов сгинувших староверов.

У Лямовых – дяди Юры и его жены Сергевны – Игорь три года снимал времянку... Это она так называлась только – времянка, а на самом деле была маленькой избушкой с двумя окнами, одной комнатой, служившей Игорю и кухней, и спальней, и кабинетом... Положил на толстые высокие чурбаки обренок широкой плахи и за этим подобием стола (настоящий стол был под посудой, да и расшатанный, скрипящий от любого прикосновения) писал. Учился писать настоящую прозу.

В общей сложности, если посчитать, он провёл в лямовской времянке месяцев пять-шесть из этих трёх лет, – подолгу жил на кордонах, кочевал с лесниками и геологами по горам и тайге, но, вспоминая свою жизнь в Сибири, чаще всего вспоминал вечера и ночи за самодельным письменным столом, сидение на лавке во дворе в той приятной истоме, которая бывает у хорошо поработавшего, много сделавшего, что-то важное сотворившего человека.

Конечно, с тех пор Игорь стал писать много лучше. Профессиональнее. Но теперь, в Мо-

скве, этого ощущения приятной истомы, а может, и счастья после часов вдохновения, почти не случалось. Да и вдохновение приходило какое-то деловитое, без крыльев...

И так радостно было, когда во дворе оказывалась Олька. Девчонка лет шестнадцати. В Нижнем Артасе, где была школа, она окончила девятилетку, а после жила у деда и бабки. Помогала по хозяйству и скучала в этом крошечном посёлке. Отца у неё не было, а про мать – свою дочь – старики Лямовы говорили: «Непутёвая». Игорь спрашивать не решался...

Сидя на лавке, он любовался Олькиной юностью, сочувствовал её скуке. Иногда они перешучивались, Игорь рассказывал Ольке о Москве, Чёрном море... Никогда между ними ничего не было, даже тех взглядов, какими самец обменивается с самкой. Но в одном своём рассказе Игорь дал себе волю пофантазировать. Казалось, не переборщил: Ольгу, переименованную в Ирку, посадил на колени герою рассказа. И вот, оказывается, узнали, потянули руки к якобы доступной Ольке, и она покатилась.

А дядь Юра обиделся... Там, в тайге, обида другая, чем здесь...

– Ваши хинкали, пожалуйста. – Официантка поставила большие тарелки, на которых было по три хинкалины и по мисочке с соусом.

– Спасибо, – сказал Игорь.

Официантка неожиданно светло улыбнулась.

Это была молодая русская девушка – уже нечастое явление в заведениях такого рода. Русских продавщиц и официанток почти всюду заменили или кавказские, или узкоглазые – то ли калмычки, то ли киргизки...

– Как их есть-то? – примериваясь, шевеля пальцами, спросил Колян.

– Ну вот за эти пупырышки берись и ешь, – с усилием сказал Игорь. – А пупырышки сами – не надо. Там тесто одно... непроваренное, – и добавил: – Зачем ты, Коль, мне это всё рассказал? Про дядь Юру, Ольку... Я ведь... Я после этого, может, писать никогда не смогу. Подлость я, получается, сделал.

Колян с недоумением посмотрел на Игоря.

